

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 821.161.1

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Л.В. Егорова

Вологодский государственный университет

ШАЛАМОВЕДЕНИЕ В 2023 ГОДУ: ОБЗОР МОНОГРАФИЙ

В обзоре рассмотрены монографии 2023 года, посвященные Шаламову: «Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов» Ксении Филимоновой, «Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и художественная генеалогия (модернистский аспект)» Дарьи Кротовой, а также касающаяся Шаламова монография «Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов» Павла Арсеньева.

Шаламов, эстетические взгляды Шаламова, поэзия Шаламова, идейно-образные константы, художественная генеалогия, модернистский аспект, литературный позитивизм.

Жизнь и творчество Шаламова по-прежнему во многом остаются недостаточно проясненными исследователями. В архивах (и самого Шаламова, и других) немало нерасшифрованных рукописей, и на пути к читателям им необходима трудоемкая обработка. Семитомное собрание сочинений с минимальным комментарием нуждается в дополнениях. «Колымские рассказы» давно следовало бы издать как литературный памятник. Автобиографическим произведениям в последнее время удача улыбнулась. В 2017 г. в Вологде вышла повесть «Четвертая Вологда» с подробным комментарием в окружении других рассказов и стихов, посвященных детству и юности автора, раскрывающих истоки его духовного становления и воссоздающих атмосферу жизни Вологды начала XX века (составление, вступительная статья, комментарии В.В. Есипова). В 2021 г. в Перми издана книга «Вишера: рассказы, очерки, стихи». Здесь впервые представлены основная и другие редакции «Вишерского антиромана»; стихи, связанные с пребыванием на Северном Урале; основанные на вишерских темах произведения из «Колымских рассказов»; хроника пребывания Шаламова в Вишлага и соответствующие приложения (составление, вступительная статья, комментарии В.В. Есипова). «Шаламов» в ЖЗЛ переиздан трижды (2012, 2019, 2023), и материалы к биографии продолжают пополняться, в том числе в результате архивной работы автора – В.В. Есипова. Он же подготовил комментированное собрание стихотворений и поэм Шаламова в двух томах в «Новой библиотеке поэта» (2020). Регулярно (1994, 1997, 2002, 2011, 2017, 2023) выходят Шаламовские сборники. В 2023 году пришло время монографий.

В аннотации книги Ксении Филимоновой «Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов» сразу сказано о масштабности подхода: «Автор рассматривает почти тридцатилетний процесс эстетиче-

ской эволюции В. Шаламова, стремясь преодолеть стереотипное представление о писателе и по-новому определить его место в литературном процессе 1950–1970-х годов, активным участником которого он был» [6, с. 4]. Заявленной новизны определения места я не обнаружила. Читая книгу, понимаешь, что, живя в Вологде, стереотипно смотреть на Шаламова невозможно: все воспринимаешь непосредственно, вовлеченно. Практически каждый день под колокольный звон идешь мимо Шаламовского дома и Софийского собора, где служил отец Тихон. Зимой, глядя на крутые горки Кремлевской площади, вспоминаешь отважного Сергея Шаламова. В галереях и книжных магазинах прежде всего замечаешь «Четвертую Вологду». Начало автобиографической повести Варлама Тихоновича уже в памяти народной: «Есть три Вологды: историческая, краевая и ссыльная. Моя Вологда – четвертая» [7, с. 16]. Двухтомник поэзии разлетелся мгновенно, и большинство читателей, по-моему, смотрят много шире пресловутого «стереотипа восприятия Шаламова исключительно как автора мемуаров о репрессиях» [6, с. 8]. Взгляд на Шаламова «как “летописца Колымы”», стоящего в стороне от литературной и культурной жизни эпохи» (Там же) удивляет. Очевидно, что он «внимательно следил за литературным процессом, обсуждал проблемы творчества с авторитетными для него современниками, дискутировал с теми, кого считал равными оппонентами и интересными собеседниками» (Там же). Совсем уж не подготовленным читателям книга откроет на это глаза, но не думала, что издательство «Новое литературное обозрение» ориентировано на них.

Предложение всмотреться в «достаточно долгий – около тридцати лет – период эстетической эволюции писателя» продуктивно; вызывает интерес и условное деление на три этапа, «определенных историей страны» (Там же, с. 9). Определяется ли эволюция эстетических взглядов историей страны – небесспорный и

неоднозначный вопрос, но последовать за логикой автора любопытно.

Первым периодом Филимонова предлагает считать время от возвращения с Колымы в 1953 г. до публикации рассказа А.И. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» в журнале «Новый мир» в 1962 г., когда у Шаламова появилась надежда. Этот период автор характеризует как «этап нового вхождения в литературную жизнь Москвы, начала активного записывания всего, что обдумывалось им долгие годы на Колыме, первых зафиксированных теоретических размышлений о литературе, подходов к описанию собственной эстетической позиции» [6, с. 9].

Второй период (1962–1968) – переходный от оттепели к застою, «время окончательного формулирования и постепенной радикализации взглядов на творческий метод в литературе “после позора Колымы”» (Там же, с. 10). Думается, что пока мы живы, нет ничего «окончательного», но не будем цепляться к словам. «Это этап активного сотрудничества в разных качествах с литературными журналами и постепенного разрыва с ними, дружбы и полемики с А.И. Солженицыным, активной переписки с множеством знакомых, друзей и значимых для Шаламова людей» (Там же).

Третий этап соотносится с 1968–1979 гг.: «Эпоха застоя, от ввода войск в Чехословакию и полного прекращения “оттепельных” послаблений в культуре и литературе до начала войны в Афганистане», «рассвет подпольной, параллельной государственному официозу творческой деятельности» (Там же). Для Шаламова это «время постепенного отхода от “колымской” проблематики, работа над мемуарами, биографическими очерками, историческими сочинениями, например об А.К. Воронском и Ф. Раскольникове, время размышлений о науке и экспериментах с жанрами: написание фантастической пьесы “Вечерние беседы”» (Там же).

Игнорирование поэзии мне представляется серьезным упущением. Двухтомник «Стихотворения и поэмы» вышел в 2020 г., и многочисленные открытия книги, привлечение рассмотренного во вступительной статье «Стихи после Колымы (поэтический дневник Варлама Шаламова)», в обширных примечаниях и комментариях В.В. Есипова способствовало бы прорисовке более целостной, объемной картины.

В отзыве на диссертацию Филимоновой Сергей Соловьев (в качестве оппонента) писал о том, что он бы скорее выделил не три, а два основных этапа: «“период надежд” (от возвращения с Колымы до провала попыток публикации “Колымских рассказов”), и “период разочарования” (от разрыва с кругом Н.Я. Мандельштам до дома инвалидов), отмечая также переходный период 1966–1968 гг.». Еще одна интересная и понятная точка зрения, но снова размышляешь о том, определяется ли эволюция *эстетических* взглядов надеждами и их утратой (творчество при этом продолжается). Очевидно, что и сама проблема, и вопрос о критериях периодизации творчества заслуживает обсуждения.

Задумываешься и над следующей мыслью: «Большинство работ о Шаламове исследуют поэтику и эстетику его художественного творчества. Меньше представлены исследования литературной биографии

Шаламова, документов, связанных с его литературными связями и эстетическими воззрениями» [6, с. 12]. Так ли это? «Опыт медленного чтения» Елены Михайлик – серьезный вклад в анализ поэтики «новой прозы». Шаламовские сборники свидетельствуют о непрерывной исследовательской работе в разных, но равно необходимых направлениях. Рубрикация сборников характерна: «Из литературного наследия», «Воспоминания о писателе», «Попытка осмысления» / «Статьи и исследования», «Шаламов на Западе». Не проясненного много, но едва ли «в “деле Шаламова” вопросов и белых пятен пока больше, чем ответов», как отмечает Филимонова (Там же, с. 15). Шаламовский сайт регулярно пополняется – процесс идущей работы и прояснения зрим.

В данном исследовании наиболее интересны первооткрывательские материалы – результат работы с архивом «Нового мира», Российского государственного архива литературы и искусства, еще не разобранной части архива О.С. Неклюдовой, интервью с С.Ю. Неклюдовым.

Первая глава «Двадцатые годы: рождение писателя» предельно краткая – 14 страниц. Ее рубрикация: Литературные сражения и «люди-университеты»; Варлам Шаламов и «Новый ЛЕФ»; Андрей Белый и Алексей Ремизов – предшественники Шаламова. Мы имеем дело с подборкой некоторых из хорошо известных фактов. В рецензируемой книге нет углубления в незнание – исключительно изложение того, что сформулировано самим Шаламовым ровно до того момента, как он замолкает («Утверждение о том, что он является наследником Белого и Ремизова, Шаламов более нигде не раскрывает и не комментирует» (Там же, с. 27)), некоторыми из исследователей. В этом плане монография Павла Арсеньева «Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов» (к ней мы еще обратимся) является действительно новаторской. В ней веские цитаты Шаламова подсвечены скрупулезной прорисовкой эпохи, и наше уточненное видение его творческого формирования обусловлено широкими фоновыми (по отношению к Шаламову) знаниями и глубинным проникновением в проблемы Арсеньева.

Вторая глава Филимоновой – «Начало оттепели: назад в литературу». В первом параграфе «Советская литература после смерти Сталина: обстоятельства появления “Колымских рассказов”» внимание привлечено к историко-культурному и литературному контексту. Основой повествования стали комментарии Шаламова – в основном из писем А.З. Добровольскому. Здесь кратко говорится о Втором съезде Союза советских писателей (декабрь 1954), отстранении от должности главного редактора журнала «Новый мир» А.Т. Твардовского, выходе сборника «Литературная Москва» (1955), XX съезде Компартии (февраль 1956), книге В. Дудинцева «Не хлебом единым» как важной для Шаламова и – неожиданным впечатлении от фильма Э. Рязанова «Карнавальная ночь». С.Ю. Неклюдов в интервью рассказал: «Шаламов увидел в главном герое Дон Кихота, противостоящего всем...» (Там же, с. 41).

Во втором параграфе «Возвращение в литературный мир» автор включает в свой контекст рассмотре-

ния описание журналистского опыта Шаламова из ценных статей Анны Гавриловой.

Параграф «Разговор с Борисом Пастернаком о поэзии и прозе» предваряет параграф «Дискуссия о романе “Доктор Живаго”» с публикацией нового материала из РГАЛИ. Мартовское 1975 г. письмо Шаламова главному редактору журнала «Новый мир» С.С. Наровчатову с предложением подготовить публикацию переписки с Пастернаком (1954–1956) важно во многих отношениях. Упомяну только, что Шаламов обозначал свое видение Пастернака и излагал четыре возможных варианта публикации его семи писем: без комментариев, с очень кратким справочным материалом; публикацию всей переписки, включая собственные ответы; написание мемуаров о Пастернаке, куда вошли бы эти письма; семь писем плюс шаламовские записи, заметки, касающиеся Пастернака и предмета поэзии. Заказа на предложенную работу от «Нового мира» не поступило.

Отмечу, что в шестом Шаламовском сборнике это письмо опубликовал и прокомментировал В.В. Есипов [3]. Он указал, что это была вторая попытка Шаламова напечатать пастернаковские материалы. Для первой публикации Шаламов «избрал относительно безобидное в цензурном отношении письмо Пастернака Г.И. Гудзь, написав к нему свои примечания (комментарий)», и, по обоснованному предположению Есипова, думал Шаламов тогда о журнале «Вопросы литературы» (см. подробнее: [2, с. 74]). С Наровчатовым Шаламов «был хорошо знаком, считал его своего рода “земляком”, т.к. детство Наровчатова прошло в Магадане; к Наровчатову Шаламов обращался за рекомендацией в Союз писателей в 1972 г.» (рекомендовал его в конечном итоге Арсений Тарковский, Александр Межиров, Виктор Боков) [3, с. 140]. Такого рода насыщенные комментарии делают первую публикацию много более познавательными.

Параграф «Литература “после позора Колымы”»: рождение концепции» радуется публикацией двух архивных открытий. В плане сборника статей «Поэт и современники» видишь имена, привлекшие Шаламова (Гейне, Салтыков-Щедрин, Некрасов и Белинский, Герцен, Блок, Томас Гарди, Кафка, Маяковский, Ксения Некрасова, Бунин, Шопен, Ибсен, Ремарк, Лафарг), думаешь о контексте предполагаемого рассмотрения, круге чтения, наконец. Исследовательских выводов традиционно нет: «Для чего предпринималась эта работа – установить невозможно» [6, с. 65].

Здесь же – публикация размышления Шаламова о природе социалистического реализма из черновика письма к свояченице Марии Гудзь от 7 января 1955 г. Соцреализм Шаламов не жаловал: «Если отбросить все притянутое за уши, случайное и наносное, докопаться до сути, наиболее точным будет следующая формулировка: социалистический реализм есть иллюстрация с помощью методов художественного творчества передовых статей газет» (Там же, с. 69).

Глава третья «Поздняя оттепель: несбывшиеся надежды» начинается с разговора о круге чтения и литературных связях Шаламова. Среди хорошо известного новым является интервью, взятое у С.Ю. Неклюдова («Быт Варлама Шаламова в конце 1950-х – начале 1960-х годов и работа в журнале “Новый мир”»), и

сюжет с появлением Шаламова в передаче «Новые книги» на первом канале советского телевидения. Представлено и прокомментировано письмо жене – О.С. Неклюдовой от 9 мая 1962 г. с рассказом о подготовке к важной для Шаламова съемке.

Параграф о его работе внештатным корреспондентом в «Новом мире», безусловно, важен. Благодаря публикации 2019 г. в «Новом мире» мы уже имели возможность познакомиться с этими ценными находками. В приложения вынесены рецензии на высоко оцененную Шаламовым повесть автобиографического характера А.П. Чигарина «Всюду жизнь» (о десятилетнем заключении репрессированного врача Пескова – с 1941 по 1951 гг., причем большую часть срока он проработал в женском лагере с роженицами) и на произведения самодельных авторов, поступавших в редакцию журнала в 1959–1964 гг. Казалось бы, литературная поденщина на чтении «самотека» (по колымской тематике) была способом заработка, и вместе с тем эти подробные внутренние рецензии Шаламова ярко демонстрируют его бескомпромиссный вкус, строгие требования к претендующим на авторство, взгляды на литературный процесс.

В параграфе о Шаламове и Солженицыне важна сама постановка вопроса: «противостояние метода и эстетических позиций» [6, с. 98]. Из ценных архивных находок мы видим два письма Шаламова О.С. Неклюдовой из Солотчи, где ничто не свидетельствует о напряженности отношений, не говоря уже о конфликте. В письме от 17 сентября чувствуется неподдельное удовлетворение происходящим: «Здесь мне дышится хорошо (а тебе дышалось бы отлично)»; «Я начал кое-что писать из мелочей (вроде “Двадцатых годов”»)» (с. 104). Казалось бы, Шаламов тонко ощутил уязвимость хозяина дома: «Александр Исаевич работает очень напряженно и помногу над новой повестью. Он, конечно, гораздо организованнее меня, и оказывается, нервнее, вскакивает ночью на каждый скрип, каждый стук. А я, залопав с вечера две таблетки барбамила – проснулся по-московски» (Там же, с. 104).

В письме от 21 сентября 1963 г. появляется нетерпение: «Всего (или уже) пять дней как я уехал – должны же быть новости, движение в делах» (Там же, с. 105). При этом раздражения нет – есть душевное спокойствие: «Мне здесь живется очень хорошо и очень интересно. Огромная сосна подходит прямо под окно, превращая здешнее жилье в подобие садов Платона – о многом мы поговорили» (Там же).

Когда, как произошла эта кардинальная перемена, о которой свидетельствовал С.Ю. Неклюдов? – «Когда Варлам Тихонович приехал из Солотчи, куда его пригласил для совместного отдыха Солженицын, у него были белые от ярости глаза: тот образ жизни, тот ритм, тот тип отношений, которые были предложены Александром Исаевичем, оказались для него абсолютно неприемлемыми» (Там же, с. 103). Выяснить это исследователь не пытается.

Параграф «“Эмоционально окрашенный документ”: развитие идеи» углубляет в осознание особенностей прозы Шаламова, и снова – *его* осмысления и описания своего художественного метода.

В четвертой главе «Советский застой: в Союз писателей или на Запад?» бегло (на 32-х страницах) за-

тронуты темы литературы застоя внутри и вне поля зрения Шаламова, разгрома «Нового мира», положения Шаламова между официальной и подпольной литературой, проблема западных публикаций, Шаламова в контексте лагерной прозы и мемуаристики, направления его творческих поисков в 1970-е годы, записей о Есенине, науки и литературы. Общий вывод характерен для автора книги: «Наследие Варлама Шаламова содержит большое количество документов, свидетельствующих о его постоянной работе над некоторыми вопросами литературы. Исследованные записи о прозе позволили расширить представление о воззрениях Шаламова на литературу, их основаниях, описать литературный генезис писателя и проследить его реакции на историко-культурный контекст. Более подробного рассмотрения в рамках отдельных исследований заслуживает тема науки у Шаламова, нуждаются в расшифровке и анализе эпистолярное наследие из архива О.С. Неклюдовой, а также ряд записей позднего периода» [6, с. 159].

Самостоятельное исследование об эволюции эстетических взглядов, на мой взгляд, впереди. В данной работе ученический характер письма не позволяет выйти на должный уровень обсуждения. При чтении ощущаешь, что некоторые из затронутых аспектов в других исследованиях обсуждались шире, глубже, дискуссионнее. Стремление обойти острые углы подчас контрастно абсолютной шаламовской самоотдаче. При этом К. Филимонова, действительно, внесла свой вклад – открыла новые страницы, «восстанавливая круг чтения Шаламова в разные годы, его литературные связи, восприятие современной литературы, контакты с литературными журналами или издательствами» (Там же, с. 12).

Автор второй монографии обзора – Д.В. Кротова, доктор филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ. Ее работа «Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и художественная генеалогия (модернистский аспект)» свидетельствует о хорошем знании не только исследуемого автора, рассматриваемых проблем, но широком кругозоре в целом. Во введении дан ценный обзор предшествовавших трудов, в библиографии – 520 источников, непосредственно связанных с Шаламовым и темой работы.

Дарья Владимировна справедливо отмечает, почему именно нынешняя эпоха становится временем подлинного научного осмысления поэтического наследия Шаламова: «Только исследуя архивные материалы и обращаясь к текстам, вошедшим в двухтомное издание 2020 г., литературовед может охватить поэтическое наследие в его единстве, истинном объеме и исключительно содержательной глубине» [4, с. 519].

Прежде чем приступить к целостному анализу идейно-образных констант поэзии Шаламова, автор рассматривает вопрос о понимании Шаламовым целей, задач, назначения искусства (этот параграф – своеобразное продолжение работы Филимоновой) и приходит к выводу о единстве мировоззренческой и эстетической концепции на протяжении всего творчества, неоправданности разговора о радикальном из-

менении взглядов поэта и писателя [4, с. 519–520]. Подчеркнута трагичность жизнеощущения Шаламова: «Трагическое становится важной категорией мышления поэта, но оно никоим образом не равно пессимистическому, мрачному и безысходному <...> Творчество Шаламова доказывает, что трагическое мировосприятие может иметь глубоко конструктивный пафос и обладать значительным созидательным пафосом» (Там же, с. 520).

В первой главе изучены образно-содержательные составляющие шаламовской поэзии: художественное осмысление жизни как целостности, понимание мира природы и взаимоотношений природы и человека в мировосприятии Шаламова (исследована связь с тючевской традицией), тема памяти (память как главный содержательный ресурс творчества Шаламова, моральные аспекты категории памяти, диалектика спасительного и разрушительного действия памяти, тема забвения), поэтика телесности в лирике, феномен любовной поэзии. Выявлены и проанализированы ключевые образы-символы. Особое внимание уделено метафоре тепла, символике времен года, света, гастрономическим образам в контексте художественных традиций Серебряного века, а также роли, значению, многоаспектному истолкованию образа камня (от горной породы до могильной плиты).

Отмечу, что в заключении, подводя итоги, Кротова не ограничится обобщением описанного, но подходит к рассмотренному в первой главе уже под другим углом зрения – с точки зрения логики организации макроцикла «Колымские тетради», общей направленности образного движения «от локальности к всеохватности». Там же, в заключении, сформулированы выводы относительно поэтики Шаламова: проанализированы особенности его художественного мышления и поэтической интонации, присущая ему диалектика традиционного и новаторского. Особое внимание уделено специфике его взгляда на рифму, роль рифмы в процессе творчества, отношение к свободному стиху. Прокомментирована работа Шаламова в области поэтической лексики, например, использование длинных, многосложных слов («Поэзия – не дело вкуса! – / Квалифицированнейший труд, / В наисегодняшнем искусстве / Представленный на строгий суд / Сегодняшних, а не грядущих / Искателей живой воды...») (Там же, с. 531), научной лексики и метафоричности (медицинские метафоры в таких стихотворениях, как «Нитроглицерин», «Стихи – это боль и защита от боли...»). Синтаксис Шаламова оценен как в достаточной мере традиционный. Выявлено ироническое осмысление духа времени через призму синтаксиса: «Страстный слог витиеватый / Давно уж нам не по нутру»; «Нам лишь бы думать покороче»; (мы) «заменяли разъяснения / Многозначительным тире»; «Зато в обилье восклицаний / Вся наша доблесть, наша честь. / Мы не заслужим порицаний / За восклицательную лесть» (Там же, с. 535). Уделено внимание размышлениям поэта о длинных и коротких стихотворных размерах, звуковом облике стиха, звуковых повторах, на которых зиждется ткань стиха.

Во второй главе специфические особенности об-разного мира и поэтики Шаламова рассмотрены в соотнесении с его художественной генеалогией. Кро-

това демонстрирует, как в художественном мышлении Шаламова преломляется импульс модернизма: в первом разделе – символизма, и прежде всего А. Блока; во втором – акмеизма (Н. Гумилева, О. Мандельштама, А. Ахматовой). О скрещении поэтических судеб с Б. Пастернаком и родстве и полярности художественных миров с М. Цветаевой говорится в третьем разделе (их автор относит к поэтам вне школ и направлений). Критерии рассмотрения преломления художественных традиций обусловлены сферами пересечений рассматриваемых индивидуальностей. Отмечу академическую структурированность каждого из разделов, вдохновенность письма, смелость прочтения, тонкость анализа, объемность рассмотрения. Речь идет не только о перечисленных поэтах, но много шире – от И. Анненского до И. Бродского, включая З. Гиппиус, С. Есенина, В. Маяковского и др. Прежде чем приступить к рассмотрению каждого из авторов, Кротова делает обзор значимых мемуарно-биографических и научных текстов, выделяет основные концептуальные линии осмысления. Важно, что к исследованию привлечены не только изданные стихотворения Шаламова, но и архивные материалы РГАЛИ: неопубликованные тексты, черновики, варианты. Сферичность такого рода рассмотрения строк, их вариативности, видение всего спектра замысла поэта привлекательны и плодотворны.

Вывод Кротовой закономерен: «Шаламов-поэт – одновременно и яркий новатор, и один из наиболее последовательных продолжателей традиций Серебряного века в культуре XX века» [4, с. 541]. Убедительность раскрытия критериев новаторства на фоне традиции – одно из главных достоинств книги. Кроме того, получаешь удовольствие от комментариев, замечаний творческого исследователя, даже если ей в какой-то момент свои мысли начинают казаться рискованными, как, например, об анаграмматической связи инициалов автора и названия сборника «Высокие широты» (ВШ): «Вполне допустимо предположение, что эта связь случайна и не была запланирована автором. Но нельзя исключить, что автор эту связь видел и отразил осознанно. В любом случае название “Высокие широты” оказывается глубоко символическим и заключает в себе сложный и многомерный смысловой ряд» (Там же, с. 306). Небоязнь рискованности мышления, широкое видение и профессиональное обоснование связей, выявление и раскрытие сложностей и многомерностей – явное достоинство книги.

По прочтении этих книг я открыла для себя еще один взгляд на Шаламова – в контексте советской литературы факта. Монография «Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов» Павла Арсеньева, доктора наук Женева университета, посвящена не собственно Шаламову. В центре исследования – фигура Сергея Третьякова и реализуемая им программа производственного искусства в области литературы. Шаламов рассматривается там и тогда, где и когда его биографическая и концептуальная траектория подходит вплотную и соприкасается с третьяковской своей смежной и вместе с тем противопоставленной практикой [1, с. 438]. Начало нашего интереса – именно

1920-е, когда Третьяков стал теоретиком «Нового ЛЕФа», Шаламов – студент юридического факультета Московского университета, деятель левой оппозиции и начинающий писатель. «Во всех этих пунктах его биография совпадает с биографией Третьякова со сдвигом на дюжину лет»: «Третьяков учится на том же факультете с 1913 по 1916 год, где сближается с эсерами, а также начинает публиковаться как участник эгофутуристической Центрифуги, уже в двадцатилетнем возрасте общается с Мейерхольдом и Маяковским» (Там же, с. 433).

Шаламовская характеристика хорошо известна: «Третьякова я знал по статьям, по выступлениям, по пьесам, по журналистике. Роль его в левовских делах двадцатых годов была велика. <...> Третьяков был рыцарем-пропагандистом документа, факта, газетной информации. Его влияние в “ЛЕФе” было очень велико. Все то, за что Маяковский агитировал стихами – современность, газетность, – шло от Третьякова. Именно Третьяков, а не Маяковский, был душой “ЛЕФа”. Во всяком случае, “Нового ЛЕФа”» (цит. по: [1, с. 433]).

Для Арсеньева фактография – один из методов «большой документальной доктрины», куда входит «новая проза» Шаламова – продолжателя авангардистского проекта. В свое время, когда молодой поэт пришел в редакцию «Нового ЛЕФа», ему были готовы поручить задание – написать заметку «Язык радиорепортера». Шаламов отверг это приглашение в самый центр актуальных дебатов футуристов о новых медiateхнологических условиях существования слова, но приобщение традиции состоялось.

Читая монографию, еще раз убеждаешься, насколько Шаламов наследует ЛЕФу и интернациональному авангарду в целом, убеждениям или ощущениям героев того времени, например, Шкловскому («Мое убеждение, что старая форма, форма личной судьбы, нанизывание на склеенного героя, сейчас не нужна. <...> Большие романы, эпические полотна сейчас никому не нужны» (цит. по: [1, с. 189–190])); Маяковскому («Проза уничтожилась из-за отсутствия времени на писание и чтение, из-за недоверия к выдуманному и бледности выдумки рядом с жизнью» (цит. по: [1, с. 199])). С другой стороны, понимаешь, насколько лагерный опыт Шаламова (с учетом пройденной им школы ЛЕФа) изменяет древний топос авторов, пишущих своей кровью: «Собственная кровь – вот что *сцементировали* фразы “Колымских рассказов”. Выстрадавшее собственной кровью входит на бумагу как *документ души*, преображенное и освещенное огнем таланта» (цит. по: [1, с. 441]).

Книга позволяет ощутить широту шаламовской эрудиции, характер его мышления в левовско-формалистских категориях со свойственными им приемами материала и конструкции, фактов и монтажа. Мы имеем дело именно с исследовательским подходом Шаламова, последовательным обнаружением его формальной искусственности, риторической осведомленности. Шаламов пользуется практикой и фразеологией предшественников, при этом степень его освоения и переосмысления всегда значительна.

Любопытен и ценен сам взгляд на Шаламова как на «позднего, возможно закрывающего представителя

традиции *литературного позитивизма*» [1, с. 442–443], на «Колымские рассказы» как на продолжение «эпистемологической традиции *литературного позитивизма* после ее смерти», «формы ее послезития» (Там же, 443). (Арсеньев пользуется вариантами написания слова: литературный *(пост)позитивизм* и *постпозитивизм* (Там же, с. 446)). Отказавшись выполнить задание по языку радиорепортеров, Шаламов позже обнаружит «свою дискурсивную инфраструктуру, по которой он сможет пройти первый, как по “первому снегу”» (Там же, с. 472). Дискурсивную инфраструктуру Третьякова Арсеньев определяет как «литературу факта высказывания», катастрофическую модификацию Шаламова – «литературу чрезвычайно положения» (Там же, с. 473).

Таким образом, каждая из монографий и все они в целом открывают читателям и исследователям Шаламова разные грани его личности и творчества. То, что нас не удовлетворило, скажем, в первой главе книги Филимоновой, находит продолжение в двух других работах, и исследование Арсеньева, безусловно, проливает качественно иной свет на рождение Шаламова как писателя. Отрадно и то, что авторы стали хорошими пропагандистами своих исследований. К. Филимонова и пиар-менеджер издательства «Новое литературное обозрение» Денис Маслаков обсудили книгу в Zoom-разговоре с профессором Еврейского университета в Иерусалиме Леоной Токер и историком, руководителем проекта «Shalamov.ru» Сергеем Соловьевым. Размышления этих заслуженных специалистов, на момент записи уже познакомившихся с

книгой, чрезвычайно интересны [5]. Д. Кротова представила монографию на традиционном вечере памяти Шаламова в Вологде в январе 2024 г.

Литература

1. Арсеньев, П. Литература факта и проект литературного позитивизма в Советском Союзе 1920-х годов / П. Арсеньев. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 552 с.
2. Есипов, В. В. Комментарий к письму Б. Пастернака 7 марта 1953 г., адресованному Г. И. Гудзь / В. В. Есипов // Шаламовский сборник. Выпуск 6 / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 73–85.
3. Есипов, В. В. Письмо С. С. Наровчатова о публикации материалов о Б. Пастернаке (1975) / В. В. Есипов // Шаламовский сборник / составитель и редактор В. В. Есипов. – Москва : Летний сад, 2023. – Вып. 6. – С. 140–143.
4. Кротова, Д. В. Поэзия В. Шаламова: идейно-образные константы и художественная генеалогия (модернистский аспект): монография / Д. В. Кротова. – Москва : МАКС Пресс, 2023. – 576 с.
5. Презентация книги Ксении Филимоновой «Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=nWYovWu8v7k> (дата обращения: 06.07.2024). – Текст : электронный.
6. Филимонова, К. Эволюция эстетических взглядов Варлама Шаламова и русский литературный процесс 1950–1970-х годов / К. Филимонова. – Москва : Новое литературное обозрение, 2023. – 232 с.
7. Шаламов, В. Т. Четвертая Вологда : повесть, рассказы, стихи / В. Шаламов ; [составитель, ответственный редактор, автор вступительной статьи и комментарии В. В. Есипов]. – Вологда : Древности Севера, 2017. – 271 с.

L.V. Egorova

SHALAMOV STUDIES IN 2023: A REVIEW OF MONOGRAPHS

In this review the monographs of 2023 devoted to Shalamov are under consideration: Ksenia Filimonova’s “The Evolution of Varlam Shalamov’s Aesthetic Views and the Russian Literary Process of 1950s–1970s”, Daria Krotova’s “Poetry by V. Shalamov: Conceptual and Imaginative Constants, Artistic Genealogy (Modernist Aspect)”, and Pavel Arsenyev’s monograph connected with Shalamov – “Literature of Fact and the Project of Literary Positivism in the Soviet Union of the 1920s”).

Shalamov, Shalamov’s aesthetic views, Shalamov’s poetry, conceptual and imaginative constants, artistic genealogy, modernist aspect, literary positivism.